

DOI: 10.24412/2222-5331-2022-3-10

УДК 165.24

Гончаренко Марк Васильевич

Эмпиризм, физические объекты и абстрактные сущности

Аннотация: В рамках данного исследования были рассмотрены основания критериев ментального в процессе корреляции абстрактных и физических объектов; подход Балагера к бесперспективности взаимоисключающих позиций о природе и характере абстрактных объектов является актуальным; по нашему мнению, анализ взаимодействия между обозначаемым и обозначенным способен помочь в поиске дальнейших направлений исследований, касающихся отношений между физическими и абстрактными сущностями.

Ключевые слова: физические объекты, ментальное, эмпиризм, абстрактные сущности, язык.

На сегодняшний день у представителей аналитической философии не вызывает сомнения, что язык, будучи одной из базовых социальных практик, не является единственно необходимым элементом в процессе мышления (в процессе конституирования реальности индивидуальным сознанием). Однако это не означает, что данный элемент когнитивной / эпистемической схемы является малозначимым. Напротив, язык продолжает оставаться тем элементом, который одновременно является и предметом анализа, и инструментом анализа, что, безусловно, никак не помогает упростить процесс исследования эпистемических объектов. К тому же эти эпистемические объекты как «данное» невозможно обнаружить как нечто наблюдаемое (Селларс, 2021, 32), поэтому, когда У. Куайн утверждает, что в основании любой теории лежат наблюдения (Куайн, 2014, 14–15), он прав лишь частично, потому что о наблюдениях субъект узнаёт сам и сообщает другим, используя язык. Партикулярии *получают* существование и свойства тогда, когда субъект *может* себе это позволить¹. В связи с этим возникает две проблемы: проблема, насколько партикулярии могут быть

¹ Здесь нет смысла уходить в плоскость антропного принципа, потому что в данном случае речь идет о возможных способах взаимодействия онтологии и семантики.

абстрактными сущностями, и проблема, связанная с правомерностью кантовского подхода к интуиции, опирающейся на понятия, насколько это возможно. Обе проблемы актуальны в связи с вопросом: когда становится возможным обозначаемое, до или после появления понятия, и насколько понятие соответствует универсалии, т. е. может ли оно быть рассмотрено в качестве абстрактного объекта / абстрактной сущности?

Тривиальность эпистемологического подхода, в соответствии с которым субъект познания утверждает выводимость *одного* знания из невыводимости *другого* знания, никак не может повлиять на, собственно, надёжность самого этого подхода, поскольку мы так же, как и Декарт, ничего не можем сделать с естественными ограничениями в виде чего-то напоподобие сомнения (Гончаренко, 2022, 99). Пропозициональная установка субъекта является необходимым элементом для обеспечения знания метауровня, что позволяет успешно развивать эпистемические схемы, однако всё это работает до момента, когда невыводимый уровень знания становится недостаточным для ответов на возникшие вопросы в трансформированных эпистемических схемах. Другими словами, когда субъект познания сталкивается с рассогласованием оснований и возможных выводов, он конституирует новые схемы и создаёт новые теории, лишая предыдущие смысла и привлекательности. В таком подходе нет ничего нового, но такого рода проблема (проблема необоснованности знания) позволяет по-новому посмотреть на вопрос о семантике в контексте корреляции теоретических сущностей и нетеоретического существования (Селларс, 2021, 110–111). Семантика демонстрирует *невозможность* объектов (молекул, электромагнитного поля) быть исключительно теоретическими, так как это физические объекты, теоретичность которых обусловлена теми эпистемическими схемами, где они являются необходимыми понятиями. Тем не менее нетеоретическое существование объекта, который в физике принято обозначать понятием «молекула», ничего нам не сообщает о возможной / невозможной абстрактности самого этого понятия (конкретная молекула водорода может быть с помощью оптики обозначена остенсивно, а вот молекула водорода как таковая навряд ли может получить остенсивное определение). Это подводит нас к вопросу о корреляции семантики и эмпирических понятий: «...основываясь на истинности семантического утверждения "‘красное’ означает качество *красное*" вообще ничего нельзя сказать о той сложной роли, которую играет слово ‘красное’, или о том, как это слово связано с красными вещами» (Селларс, 2021, 93). Если мы допустим, что фундаментальные эмпирические понятия, о которых говорит У. Селларс, правомерно рассматривать как синонимы к понятиям наблюдения у У. Куайна, то мы

столкнёмся с той же проблемой: означивание никак не проясняет связи с означиваемым. Семантика ничего не сообщает субъекту об обосновании значения и ничего не сообщает относительно метауровня знания. С этой точки зрения, семантика теоретических описаний / теорий вполне допускает теоретическое существование абстрактных сущностей, но это никак не приближает нас к пониманию их абстрактной природы.

По нашему мнению, одной из возможных причин выше сформулированной проблемы (проблемы абстрактных сущностей и их соотношения с эмпирическими понятиями) может быть то, что У. Селларс обозначил как проблему объединения некогерентных систем: системы понятий эмпирического знания и системы анализа самого знания: «Истолковав в качестве *данных* те партикулярии и их совокупности, которые он (субъект познания / исследователь – прим. М. Г.) научился наблюдать, он посчитал их изначальными объектами знания, которые каким-то образом присутствовали в этой концептуальной рамке с самого начала. Именно поэтому он говорит о *данном* в акте схватывания» (Селларс, 2021, 145). Это свидетельствует только о том, что субъект познания согласен с тем, что есть язык, партикулярии и знание, которые как-то соотносятся друг с другом, но *каким образом* они это делают – непонятно. В результате обоснование порядка появления или следования данных элементов (партикулярии, язык, знание) не представляется возможным, кроме как через согласование.

Интерсубъективность дискурса, о которой так много говорили как его доброжелатели, так и его противники, безусловно, имеет отношение к идее согласования значения, знания и пр., однако вопрос в том, как интерсубъективность, будучи категорией межсубъектной, становится внутренним свойством дискурса для субъекта познания. Другими словами, как социальная практика (язык, миф, наука, право и пр.) становится необходимым внутренним элементом для отдельно взятого субъекта познания, наличие которого обеспечивает возможность членства в этой социальной практике даже тогда, когда конкретный дискурс актуален только для одного субъекта? Смеем предположить, что интерсубъективность дискурса – это как минимум свойство, обуславливающее понимание субъектом познания как самого себя, так и других, что, безусловно, невозможно без согласования.

...«Откуда у нас взялась идея того, что нечто выглядит для нас красным или»... Короче говоря, мы столкнёмся с общей проблемой понимания того, как возможны *внутренние эпизоды*, т. е. эпизоды, которые

тем или иным образом совмещают *приватность* ... с *интерсубъективностью* (в том смысле, что каждый из нас может, в принципе, знать о внутренней жизни другого) (Селларс, 2021, 114).

С чего начинается осознание мира субъектом – абсолютно непреодолимая трудность для контекстов, пытающихся определиться с иерархичностью необходимых в этом процессе элементов. Однако насколько эти схемы удовлетворительны или неудовлетворительны – неважно, ни одна из них не может отказаться от актуальности интерсубъективности. Парадоксальность в том, что как раз интерсубъективность делает возможными *внутренние эпизоды* (привилегированный доступ) (Селларс, 2021, 117). Знание, так же, как и значение, не может иметь никаких обоснований в принципе, так как и первое, и второе возможны в согласованном контексте, как в социальной практике, интерсубъективность которой является критерием применимости.

Рассматривая историю вопроса о становлении новой эпистемологии в контексте внутренних репрезентаций, Р. Рорти приходит к одному из очень важных выводов: «<...> скептицизм в манере декартовского "Первого размышления" был совершенно определённым, точным "профессиональным" вопросом: откуда мы знаем, что нечто ментальное репрезентирует нечто нементальное?» (Рорти, 2022, 51). И, продолжая исторический экскурс, объединяя поиск достоверности в концепциях У. Куайна и У. Селларса, Р. Рорти заключает: «Откуда наши партнёры знают, каким из наших слов стоит доверять, а какие из них требуют дальнейшего подтверждения?» (Рорти, 2022, 160). О чём нам это говорит, если не о том, почему знание и его обоснование – это совершенно различные системы, анализ которых не может обеспечить поддержки друг другу, так же, как и анализ ментального и нементального никогда не приведёт к желаемому результату: не обоснует наличие или отсутствие каждого из них. Если обоснованием является то, с чем мы уже согласились, то исследовательские стандарты – это мерила социальных практик, в которых и благодаря которым они существуют. У. Селларс уверен, что знание – это не утверждение обоснования, это возможность функционирования субъекта в конкретном социуме (так как социум функционирует и существует посредством конкретных социальных практик, либо принимающих, либо не принимающих те или иные знания), поэтому, если субъект будет использовать *неактуальные* знания,

он не сможет стать участником конкретных социальных практик². Для успешного функционирования необходимы знания, а не их обоснования. Другими словами, субъект не нуждается в ответе на вопрос «Почему это красное?», он нуждается в том, чтобы знать, что «Нечто красное», и именно это обеспечит ему возможность социального функционирования. Таким образом, речь идёт о том, что (социальное) функционирование субъекта обеспечивается конструированием индивидуального когнитивного / эпистемического пространства, возможность которого определяется *пересечением* мира sense-data и мира физических объектов: «Мир, в котором мы живём, есть мир sense-data; но мир, о котором мы говорим, есть мир физических объектов» (Wittgenstein, 1980, 82), «...не существует факта, что это физический объект, помимо качеств и суждений о чувственных данных о нём» (там же, 80–81).

Таким образом, анализ проблемы соотношения абстрактного – физического или ментального – нементального в контексте мифа о *данном* или, непосредственно, *данного*, делает очевидным то, что *данность* не может обойтись без понятийно-категориальной структуры³, которая становится доступной субъекту в языке и через язык. Функционализм, как один из необходимых элементов актуализации физического и абстрактного в сознании субъекта, способен на многое, но всё, что касается ответов на вопросы «почему?» и «как?», остаётся в недоступной для него зоне. Так или иначе, исторический платонизм и анти-

² В данном случае превосходной иллюстрацией к этому является пример Л. Витгенштейна по поводу игры в шахматы и её участников: если кто-либо из участников не следует правилам игры, он автоматически не может быть её участником, так как не выполняет необходимых правил. Правда, он может создать другие правила, но тогда это будет уже совсем другая игра, по аналогии, другая социальная практика.

³ Определение числа у Б. Рассела «... число (вообще) есть некоторая совокупность, являющаяся числом одного из своих членов; или ещё более просто: число есть нечто, что является числом некоторого класса» (Рассел, 2022, 84) – хороший пример дефиниции (абстрактного), относительно которой необходимо дополнительно объяснять, что она только вербально имеет вид порочного круга. Последующее объяснение Б. Рассела, почему это не так, сводится к тому, что «Мы определяем "число данного класса" без всякого использования понятия числа...» (Там же), и показывает всю сложность определения абстрактных объектов, которые прочно удерживают позицию их необходимого использования в процессе конституирования эпистемических моделей / эпистемических миров. «Наш физический мир есть абстрактная математическая структура», – полагает М. Tegmark (Tegmark, 2008, 101).

Возможно, словари, их разнообразие и масштабность, – это тот социальный феномен, который говорит сам о себе: во-первых, ни одно определение не является исчерпывающим, а во-вторых, и абстрактные, и физические объекты одинаково имеют определения, которые позволяют им с определённым успехом функционировать в различных дискурсах.

платонизм имеют много возможностей для дальнейшего плодотворного развития (Хакинг, 2020), однако, по нашему мнению, одним из наиболее продуктивных подходов в вопросе об абстрактных сущностях представляется подход М. Балагера, в соответствии с которым неубедительность противоположных аргументов об этих объектах свидетельствует скорее о неправомерности вопроса об этих сущностях (Balaguer, 1998). Если попытаться проследовать в направлении, указанном Л. Витгенштейном, то следует признать, что ответы зависят от вопросов, и если вопросы будут иметь другую грамматику, то и ответы будут ей соответствовать. Придерживаясь подобной логики рассуждения, мы можем констатировать, что вопрос о соотношении и очерёдности обозначенного (слова / понятия) и обозначаемого (объекта), наверное, имеет право на существование, но различные варианты ответа всегда определяются теми мерами реальности, которые считаются приемлемыми в той или иной эпистемической схеме. Такая позиция, по нашему мнению, не противоречит подходу М. Балагера, потому что допускает при определённых условиях обе возможности относительно абстрактных объектов.

Список литературы

- Гончаренко, М. В. (2022). Эпистемическая приватность: абстрактные и физические объекты. А. В. Хлебалин (Ред.), *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития* (98–102). Новосибирск: Офсет ТМ.
- Куайн, У. В. О. (2014). *Преследуя истину*. М.: Канон+.
- Рассел, Б. (2022). *Введение в математическую философию. Избранные работы*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Рорти, Р. (2022). *Философия и зеркало природы*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Селларс, У. (2021). *Эмпиризм и философия сознания*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Хакинг, Я. (2020). *Почему вообще существует философия математики?* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Balaguer, M. (1998). *Platonism and Anti-Platonism in Mathematics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tegmark, M. (2008). The Mathematical Universe. *Found Phys*, 38, 101–150. <https://doi.org/10.1007/s10701-007-9186-9>.
- Wittgenstein, L. (1980). *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1930–1932*. D. Lee, ed. Rowman & Littlefield, Totowa, N. J.

Информация об авторе: Гончаренко Марк Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск, markgon73@gmail.com

Goncharenko Mark Vasilyevich

Empiricism, Physical Objects and Abstract Entities

Abstract: Within the framework of this study, the possible grounds for the formation of mental criteria in the context of the correlation of abstract and physical objects were considered; in this regard, Balaguer's approach regarding the futility of mutually exclusive positions regarding the nature and the character of abstract objects is super relevant; in our opinion, the analysis of the interaction between the signifier and the signified can help in the search for further possible directions of research concerning possible relationships between physical and abstract entities.

Keywords: physical objects, mental, empiricism, abstract entities, language.

References

- Goncharenko, M. V. (2022). Epistemicheskaia privatnost': abstraktnye i fizicheskie ob"ekty [Epistemic privacy: abstract and physical objects.]. *Analiticheskaja filosofija: traektorii istorii i vektory razvitiia* (98–102). Novosibirsk: Ofset TM. (in Russian).
- Quine, W. V. O. (2014). *Presledujta istinu* [Pursuit of truth]. M.: Kanon+. (in Russian).
- Russell, B. (2022). *Vvedenie v matematicheskiju filosofiju. Izbrannye raboty* [Mathematical logic as based on the theory of types. Introduction to mathematical philosophy]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija». (in Russian).
- Rorty, R. (2022). *Filosofija i zerkalo prirody* [Philosophy and mirror of nature]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija». (in Russian).
- Sellars, W. (2021). *Jempirizm i filosofija soznaniia* [Empiricism and the philosophy of mind.]. SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russian).
- Hacking, I. (2020). *Pochemu voobshhe sushhestvuet filosofija matematiki?* [Why is there philosophy of mathematics at all]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija». (in Russian).

Balaguer, M. (1998). *Platonism and Anti-Platonism in Mathematics*. Oxford: Oxford University Press.

Tegmark, M. (2008). The Mathematical Universe. *Found Phys*, 38, 101–150. <https://doi.org/10.1007/s10701-007-9186-9>.

Wittgenstein, L. (1980). *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1930–1932*. D. Lee, ed. Rowman & Littlefield, Totowa, N. J.

Authors Information: Goncharenko Mark Vasilyevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, markgon73@gmail.com